

ДОКЛАДЫ
ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКОГО
НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

ВЫПУСК 18

Материалы к истории русской фабрики
и рабочего класса в XVIII и XIX ст.

Москва 2007

ББК 63.3(235.4)4-24
Д 63

Издание подготовлено ПККИ — Переславской Краеведческой Инициативой.

Редактор А. Ю. Фоменко.

Д 63 Доклады Переславль-Залесского Научно-Просветительного Общества. — М.: MelanarЁ, 2007. — Т. 18. — 27 с.

Документы показывают, как ремесленники объединялись в содружества, защищались при помощи своих помещиков, как фабричные рабочие боролись против фабрикантов. События происходят в городах Переславле, Ростове, Калязине, Шуе, Иваново. Время действия — между 1740 и 1850 годами.

Для любителей Отчизны.

ББК 63.3(235.4)4-24

© Евгений Фёдорович Дюбюк, 1929.

© MelanarЁ, 2007.

Материалы к истории русской фабрики и рабочего класса в XVIII и XIX ст.

1. К вопросу о практическом значении работных регул регламента суконным фабрикам 1741 г.

Семевский отрицал за «работными регулами мастеровым и работным людям» известного «Регламента суконным и каразейным фабрикам», изданного в 1741 г., всякое практическое значение. с. 3

Он (регламент) остался без всякого влияния на положение суконщиков; это следует заключить, во-первых, из того, что все указы, составленные в царствование Иоанна Антоновича, считались несуществующими при Елизавете Петровне; во-вторых, из совершенного отсутствия ссылок на него официальных учреждений во всех делах о суконных фабриках и суконщиках, возникавших после его составления (мы встретили ссылку на него только в одной челобитной (1749 г.) мастеровых большой Московской суконной фабрики Болотина и К^о (Государственный архив, XIX, № 384, л. 48 об.), — и, наконец, из того, что в царствование Екатерины II упоминаются, как действующие законы, такие постановления, которые были изменены последним; так например, рабочая плата суконщикам на фабриках, обязанных поставкою сукон, согласуется ещё во второй половине 1760-х годов с правилами указа, данного из мануфактур-коллегии в 1723 году, а не суконным регламентом. Но если постановления этого регламента и не применялись на деле, то всё-таки мы можем извлечь из него немало интересных данных, рисующих положение суконщиков.¹

Сходного мнения держался и Туган-Барановский. Так, упоминая о регулах на стр. 25 «Русской фабрики», он говорит, что изданы они были при Анне Леопольдовне и не получили поэтому законной силы в последующие царствования. Далее (на стр. 26) он повторяет: «Эти регулы, как сказано, не получили законной силы и никакого практического значения не имели».

В такой категорической форме это положение едва ли может быть принято.

Пажитнов, подвергший на основании архивных изысканий пересмотру приведённое мнение Туган-Барановского (и Семевского, на которого последний опирался), пришёл к определённом выводу, что «мнение Семевского и Туган-Барановского о том, будто бы регламент 1741 г. не имел законной силы, не находит себе подтверждения». Елизаветой закон этот отменён не был; ещё в 1802 г., при рассмотрении известного дела Осокина, прокурор Сибишин в своём заключении определённо указал, что указ 2 сентября 1741 г. не отменён, причём указание это не было опровергнуто ни в мануфактур-коллегии, ни в министерстве

¹ Семевский, В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II / В. И. Семевский. — СПб., 1903. — Т. 1. — С. 547.

внутренних дел, ни в сенате. «Таким образом, юридическую силу этого акта можно считать прочно установленной».¹

с. 4 По мнению Пажитнова, труднее разрешить вопрос о практическом значении регламента 1741 г.: «Положение этого законодательного акта действительно очень странное: он не отменялся распоряжением верховной власти, но вместе с тем и не получил надлежащего распространения», вследствие, как думает Пажитнов, резко отрицательной позиции, занятой по отношению к нему московскими суконными фабрикантами.

Тем не менее, нельзя всё-таки сказать, что регламент и работные регулы не имели никакого практического значения. Слух об этом законе какими-то путями доходил до рабочих и заставлял их не раз волноваться. Так, жалуясь в 1749 г. в Сенат на разрешение мануфактур-коллегии Болотину с товарищами употреблять на Большом Суконном дворе в Москве дочерей, жён и вдов рабочих, «праздно живущих при фабрике», рабочие этой фабрики указывали на противоречие этого разрешения регламенту 2 сентября 1741 г.; а в начале XIX ст. тот же регламент помог рабочим суконной фабрики Осокина отстоять право женщин на добровольное участие в фабричной работе.²

Заканчивая свою статью, Пажитнов выражает надежду, что, может быть, «дальнейшее изучение архивов ещё более расширит этот материал», устанавливающий практическое значение регламента и работных регул 1741 года.

Вполне разделяя мнение Пажитнова о необходимости дальнейших архивных изысканий (и не только в центральных столичных, но и в провинциальных архивах), мы хотели бы в нашей заметке познакомить читателя с некоторыми материалами, добытыми нами по вопросу о практическом значении регламента и регул 1741 года, позволяющими, как нам кажется, с известным основанием утверждать, что регламент и регулы действительно применялись, и не только непосредственно после их издания, но и почти 80 лет спустя.³ Более того, найденные нами материалы дают право установить, что регулы 1741 г. применялись не только в суконной промышленности, но и за её пределами, в частности, на полотняных фабриках.

Как кажется, первым высказавшимся за известное значение (хотя бы в смысле отображения в нём фабричных порядков) регламента 1741 г. для крупной промышленности вообще (а не одной суконной) был А. Ф. Грязнов, составитель обширного и чрезвычайно ценного для истории русской фабричной промышленности труда: «Ярославская большая мануфактура за время с 1722 по 1856» (М., 1910).

Что же касается, — говорит он (стр. 172), — в частности до мануфактуры Затрапезновых, то о внутренних распорядках на ней можно судить по «Регламенту суконным и каразейным фабрикам», составленному и изданному правительством в 1741 г. ... Несмотря на то, что «регламент» этот, как видно из его заглавия, предназначался для фабрик суконных и каразейных, то есть шерстообрабатывающих, тем не менее он может и должен считаться достаточно точно изображающим порядки и на полотняной мануфактуре Затрапезновых, во 1) потому, что «Регламент» составлялся, принимая во внимание порядки, существовавшие в то время на русских текстильных фабриках; а так как среди этих фабрик Ярославская мануфактура занимала одно из первых мест, то, само собою разумеется, что она не могла быть обойдённой при собирании материалов для его составления и, следовательно, существовавшие на ней распорядки должны были найти своё отражение в «Регламенте», а во 2), и это главное, потому что... Ярославская мануфактура Затрапезновых, кроме льна, обрабатывала также и шерсть, вырабатывая из шерсти сукна, караеи и каламенки. Отсюда следует, что «Регламент» действительно можно считать выразителем порядков Ярославской мануфактуры Затрапезновых.

с. 5

¹ Пажитнов, К. О регламенте и работных регулах суконным и каразейным фабрикам / К. Пажитнов // Труд в России. — Л., 1925. — Т. 1. — С. 216.

² Там же. — С. 216—217.

³ Впервые материалы эти были опубликованы нами в работе «Полотняная промышленность Костромского края во второй половине XVIII и первой половине XIX века» (Труды Костромского Научного Общества. Выпуск 33. Кострома, 1921. Стр. 64—67). В дальнейшем в предлагаемой заметке мы и следуем указанной работе.

В приведённой выдержке для нас важна мысль, что «регламент» отразил в себе не только распорядки, бывшие в суконной промышленности, но и вообще внутренние условия текстильной промышленности, в частности условия Ярославской мануфактуры, одной из старейших и крупнейших полотняных фабрик. Так оно и должно было быть в действительности. В общем, положение рабочих суконщиков должно было быть, по крайней мере в наиболее существенном, сходным с положением рабочих других отраслей промышленности, особенно если те и другие, как это было, например, в мануфактуре Затрапезновых, работали в пределах одного и того же предприятия, может быть, бок о бок. Длина и распределение рабочего дня, время и порядок выдачи заработной платы, штрафы и вычеты за прогулы и порчу материалов, кары за непослушание и прочее, несомненно должны были быть сходными. Но если это справедливо, если «Регламент» отразил условия вообще текстильной промышленности, он имел шансы фактически применяться далеко за пределами одного суконного производства, для которого назначался, и мог иметь значение не только для Ярославской мануфактуры Затрапезновых, но, вероятно, и для целого ряда других полотняных фабрик XVIII в., возникших после Затрапезновской фабрики и, несомненно, заимствовавших многое от этой фабрики. С этой точки зрения являются далеко не безнадёжным делом попытки искать следы применения регламента и регул 1741 г. также и за пределами суконного производства, особенно в близких к нему отраслях текстильной промышленности.

Подтверждением правильности приведённой мысли могут служить сведения, найденные нами в одном из дел министерства юстиции о брожении рабочих на полотняной фабрике купца Угличанинова в Костроме в 1818 г.¹ В июне этого года пятеро фабричных крестьян Угличанинова явились к Костромскому губернатору с жалобой на фабриканта. По существу, жалобы фабричных сводились к указанию на низкую заработную плату, недостаточную для пропитания по сравнению с платой на других костромских фабриках, и затем на употребление их на разного рода бесплатные работы, не относящиеся, по их словам, к их прямым обязанностям. Были затребованы от Угличанинова объяснения по поводу принесённых жалоб. В этих объяснениях фабрикант (Угличанинов) делает ссылки на «рабочие регулы». Так, по поводу наряда фабричных на очередные караулы при фабриках и днём и ночью, фабрикант, между прочим, пишет: «караульных и днём и ночью при фабриках и для всяких случаев велено иметь без особой платы *по регулам для мастеровых и рабочих людей; сими регулами руководствуясь с существования фабрик, и наряжаются в караул из фабричных поочерёдно*». В другом месте, по поводу удерживания у рабочих части заработанных денег, Угличанинов поясняет, что эти удержания производятся *сообразно 10-му пункту рабочих регул*. Наконец, в том же деле говорится, что Костромской губернатор предписал «просителям и прочим фабричным людям внушить внятным образом *правила, в рабочих регулах начертанные*, кои они неотменно должны исполнять беспрекословно и во всей точности, а равным образом не оставит полиция и наказание просителей за напрасную их на содержателя фабрики жалобу предоставить *сообразно 7 и 8 пунктов тех же регул на волю фабриканта*».

с. 6

Из приведённого видно, что ссылки на регулы делаются и фабрикантом и властями (губернатором), причём речь идёт о таких регулах, которые должны исполняться «беспрекословно и во всей точности». Но что это за регулы, применявшиеся на полотняной фабрике Угличанинова в 1818 г., и в каком соотношении они находятся с регулами из Регламента суконным фабрикам 1741 г.?

Прежде всего из сделанных выдержек ясно, что речь идёт о регулах, которыми Угличаниновская фабрика руководствовалась с самого её существования. Мы знаем, что возникла эта фабрика в 1751 г. Значит, имеются в виду регулы, изданные до 1751 г. Сопоставление, далее, приведённых выше ссылок на регулы с содержанием самих регул 1741 г. не оставляют сомнения в том, что действительно на полотняной фабрике Угличанинова в Костроме ещё в первой четверти XIX века применялись: или регулы Регламента 1741 г., или же ка-

¹ Костромской Губархив. Сенатские дела, переданные в Костромскую губернскую учёную архивную комиссию. Дело № 539 «по прошению Костромского фабриканта Петра Угличанинова фабричного Максимова 1818 г.» (на 23 листах).

кие-то другие регулы, пока ещё неизвестные исторической науке, но до совпадения близкие по содержанию к регулам 1741 г. и изданные, во всяком случае, до 1751 г.

В самом деле, обратимся к ссылкам на регулы в объяснении фабриканта.

Первая ссылка на регулы делается по поводу бесплатного караула фабричных при фабриках. В регулах 1741 г.¹ имеется, действительно, соответствующий пункт — это пункт 3 «о вседневном дневании и готовности в пожарном случае», гласящий, что «всяк из надзирателей мастеровых и работных людей должен, когда его очередь будет по учинённому разделению фабричного содержателя, не токмо известно денно и ночью дневенья исправлять, но воскресные предпраздничные дни большим числом чрезвычайно дневать», также обязаны были все рабочие являться на тушение пожаров на фабрике и близ неё — и только за это участие в тушении пожаров они могли ожидать от фабриканта «некоторого награждения по усмотрению». За самое же дневание платы не устанавливалось.

Вторая ссылка на регулы по поводу удержания части заработка у фабричных прямо называет 10-й пункт их, и, если мы заглянем в регулы, то увидим, что как раз 10 пункт трактует об удержании части заработка у рабочих впредь до полного расчёта. Наконец, и пункты 7 и 8-й регул, на которые ссылается губернатор, по своему содержанию отвечают 7 и 8 пунктам Регул 1741 г.: 7 пункт говорит «о словесном суде случающихся на их фабриках споров», а 8 — «о непослушности и о противностях против фабричного содержателя и других начальников».²

На основании изложенного нам представлялось возможным (в нашей работе) придти к выводу, что «работные регулы Регламента суконным фабрикам 1741 г., вопреки Туган-Барановскому, сохраняли своё практическое значение не только в последующие царствования в XVIII в., но даже применялись ещё в 20-х гг. XIX ст., то есть через 77 лет после их издания, причём применялись на полотняной фабрике».

с. 7

Но если это так, — писали мы далее, — если эти регулы применялись на одной из полотняных костромских фабрик — на самой крупной из них, то все основания имеются полагать, что те же регулы применялись и на других костромских, а может быть, и за пределами Костромы полотняных фабриках. Угличаниновская фабрика, в качестве первой по времени возникновения в Костроме полотняной фабрики и как одна из крупнейших фабрик должна была явиться образцом и для других полотняных фабрик Костромского района, возникших после неё. Более того: возможно, что этими же регулами регулировалась вообще вся текстильная промышленность, условия которой, как это отмечает цитированный нами составитель исторического очерка Ярославской Большой мануфактуры А. Ф. Грязнов, отразились в самих регулах.

В заключение следует добавить, что в работе Н. В. Ильинского: «К истории села. Леденгского (Тотемский уезд)», изданной в 1921 г. Северосоюзом, имеются указания со ссылками на подтверждения местных старожилов, что на Леденгском солеваренном заводе также применялись работные регулы регламента 1741 г. «Эти регулы, — говорит Ильинский (стр. 15—16), — конечно, понимались начальниками по-своему, и последние допускали много злоупотреблений. Например, считали „непослушанием“ лишний удар кнута по лошади дровосека, простое нерасположение к рабочему было поводом к наказанию».

Сообщение это, о применении регул 1741 г. на соляном заводе, может быть, нуждается в проверке. Но если оно справедливо, сфера применения закона, выработанного для отдельной отрасли промышленности и казавшегося забытым, неожиданно расширяется, и самый закон, в смысле его практического значения, должен представиться совсем в ином свете, чем представлялся он Семевскому и Туган-Барановскому. Для окончательного же выяснения этого значения необходимы дальнейшие архивные изыскания, и не в одних делах бывшей мануфактур-коллегии и других центральных учреждений XVIII и первой половины XIX ст., но также и в провинции — в архивах местных учреждений и фабричных.

*** ERROR: citation 'psz-sobranie1-v11' undefined *** — № 8440.

²Там же.

2. Извещение о командировании сенатора Аршеневского для освидетельствования мануфактур (1811 г.)

Копия предложения Ростовской градской полиции из Ярославля от 29 мая 1811 года за подписью князя Михаила Голицына.

«Градская полиция возвестит фабрикантам и заводчикам в г. Ростове, что его имп. велич. благоугодно было поручить г-ну тайному советнику и сенатору Илье Яковлевичу Аршеневскому освидетельствование мануфактурных в государстве всякого рода заведений не так, как ревизору, но в виде попечителя мануфактур. Таковое высочайшее поручение делается с тем дабы при ближайшем на месте осмотре открыть точные и существенные каждой фабрики и завода недостатки, узнать их нужды и доставить им немедленно потребное пособие. Фабриканты удостоверятся в том несомненно, и сколь много правительство печётся о вспомоществовании им к лучшему устройству их заведений, ибо оно, не ожидая никаких со стороны их представлений и просьб, предупреждает оные своими распоряжениями. В сём благонамеренном попечении своём правительство не только не помышляет о стеснении чем-либо содержателей фабрик и заводов или наложении на них обязанностей противу их воли, но, напротив того, оно стремится единственно к тому, чтобы устранять от них все препятствия, чтобы открыть им свободный путь к возможному усовершенствованию заведений своих и к приобретению чрез то самых несомненных важных выгод».

(Из Темеринского архива, хранившегося в Переславль-Залесском Народном музее.)

3. Дело о заговоре мастеровых Гусевского завода Мальцова в 1838 году¹

9 марта 1838 г. Владимирский губернатор получил от управляющего имением камергера Мальцова — Вепрейского — следующее письмо: с. 8

«Ваше превосходительство, милостивый государь Иван Еммануилович! На сих днях открыт мною заговор приписных к Гусевской на дворянском, а не на посессионном праве, вверителя моего хрустальной фабрике об отыскивании свободы, и виновные мною представлены суду.

Из приложенного при сём в списке объяснения временному отделению Меленковского земского суда ваше превосходительство изволите усмотреть ход дела, в котором осмеливаюсь просить высоконачальнической защиты и ограждения для спокойствия значительного вверенного мне имения, дабы наказание преступников на месте обуздало своеволие прочих.

Повергаю себя покровительству вашего превосходительства и с глубочайшим высокопочитанием имею счастье быть, ваше превосходительство, милостивейший государь, ваш всепокорный слуга Иван Вепрейский».

Упомянутое в письме «объяснение» было следующего содержания (ввиду его большого интереса, приводим его полностью):

«Во временное отделение Меленковского земского суда от уполномоченного на распоряжение делами и имением коллежского советника, камергера и кавалера Ивана Сергеевича Мальцова титулярного советника Вепрейского объяснение.

Сего числа² оное отделение предписало Гусевской вверителя моего конторе доставить сведения: 1-е. Какие получают мастеровые Гусевской хрустальной фабрики: Разумей Васильев, Иван Николаев, Илья Сергеев, Фёдор Аристархов, Максимилиан Александров, Фёдор Морковкин, Семён Васильев, Агафангел Никифоров, Михайла Михайлов Калмыков, Захар Васильев, Иван Фёдоров, Павел Филиппов, Степан Семёнов, Иван Семёнов, Пётр Николаев, Григорий Ерофеев, Сергей Ерофеев, Василий Никифоров и сын его Игнатий, Андрей Ермилов, Гаврила Иванов, Финоген Назаров — за работы платы или содержание.

¹ Дело канцелярии Владимирского губернатора 1838 г. № 320 «по письму управляющего имением камергера Мальцова титулярного советника Вепрейского об открытии им заговора между мастеровыми людьми заводов доверителя его». Началось 9 марта 1838 г. На 17 листах.

² Приводимое «объяснение» не датировано.

2-е. Объяснила бы, что такое значит, почему они именуют себя приписными, а не так как крепостные, нет ли в виду крепостного акта или судебного приговора, по коему они должны принадлежать г. Мальцову; буде есть, приложить копии.

Г. Мальцов, вверя всё своё имение в совершенное моё распоряжение и управление уполномочил меня доверенностью, в копии при сём прилагаемую,¹ безнравственных людей представлять правительству для отдачи в рекруты и удаления из имения его, буде признано будет нужным.

Исполняя требование сего отделения, честь имею объяснить: 1-е все люди, употребляемые для работы хрустала и стекла на 10 фабриках вверителя моего с давних лет, получают задельную плату за каждую обработанную вещь по установленной достаточной таксе; количество заработков зависит от прилежания и тщательности самих мастеровых и сверх того за отличные работы получают награды, для лучшего усмотрения чего представляю здесь ведомость, сколько каждый из вышеписанных мастеров получил жалованья в минувшем году и в январе настоящего года. 2-е. За всех мастеровых приписных и крепостных платятся все государственные подати и повинности. 3-е. Лица женского пола всех мастеровых как взрослые, так и малолетние, ни на какие господские работы не употребляются. 4-е. Для продовольствия себя с семействами имеют огороды, а для содержания скота обильные сенокосы, и многие из них за избытками продают сено. 5-е. Позволено им иметь постоянные дворы для приезжающих и для дроворубов и прочих посторонних рабочих, которых бывает весьма значительное количество. 6-е. Вдовы, сироты и престарелые получают все господское содержание хлебом и деньгами на семейство от 60 до 120 руб. в год. О всех нуждах своих имеют они всегда безвозвратные ко мне входы, дома им строятся на господский счёт; в действительных нуждах даются им заимообразно деньги вперёд — почему всепокорнейше прошу правительство обратить особенное внимание, что мастеровые доверителя моего не только не имеют какие-либо нужды в содержании себя, но всегда находятся в избытке, а как желаниям человека в их классе нет границ, и они, получая в конторе за работу ежемесячно деньги, имеют оные всегда и часто обращаются в пьянстве. 7-е. Приписные и крепостные на фабричном праве мастеровые достались вверителю моему по наследству, после родителя его, а откуда предки их были, прилагаю копию с ревизской сказки с показанием происхождения всех;² прочие же мастеровые и крестьяне при 10 фабриках, более 3500 душ мужеска пола, совершенно помещичьи. 8-е. Из дел конторы видно, что лет 30 тому назад некоторые из приписных начинали отыскивать свободы, но решением Меленковского Уездного суда 1805 г. ноября 25 числа и по указу Правительствующего Сената 1808 г. марта 30-го числа оставлены во владении г. Мальцова. Копии с сих актов здесь прилагаются.³ 9-е. Управляя имением камергера Мальцова шестой год, с прискорбием, но со свойственной благомыслящему человеку кротостью смотрел я на безнравственное состояние большей части людей, именующихся приписными, которые, увлекаясь беспрестанно понятиями о свободе или будучи подстрекаемы неблагонамеренными людьми о непринадлежности г. Мальцову, почасту обращаясь в пьянстве, всегда находятся склонными к неповиновению и грубости, но, стараясь строгою справедливостью и увещанием без телесных наказаний укротить их пороки, взирал на всё это с хладнокровием и кротостью, но они, не внимая сему, наконец простёрли свою в духе неповиновения дерзость до того, что начали собираться тайно в ночное время, февраля 24 и 27 числ, у мастеровых Разумей Васильева и Семёна Васильева, увлекая за собой и других якобы только для того, чтобы написать ко мне о своих нуждах (главная из них была, что я ввёл между ними чинопочитание и заставил слушаться прикащиков), которых они существенно не имели, и, буде мне просьба их не понравится, присягнули стоять за одно и друг друга не выдавать, к чему они прибегать не имели никакого повода, и имея ко мне всегда свободный доступ и удовлетворенье их справедливых нужд, настояще помышляя законопротивный замысл прикрыть благодидною картиною, мнили в отказе моём на голословные их просьбы найти причину к отыскиванию свободы из владения г-на Мальцова; впрочем, выражение их, стоять друг за друга, быть

¹ В деле этого приложения не имеется.

² Копия эта в деле отсутствует.

³ К сожалению, эти важные акты в деле не сохранились.

может, скрывает и другое тягчайшее противузаконное умышление, а впрочем, и без сего относится к безначалию и насилию.

Предавая всё сие правосудию правительства для охранения вверенного мне имения, осмеливаюсь просить, чтоб вся строгость закона и право владельца к ограждению его собственности на них была употреблена и особенно на Разумея Васильева, Семёна Васильева, Василья Никифорова, Илью Сергеева, Захара Васильева, Степана Семёнова, Ивана Николаева и Григорья Ерофеева, более всех замеченных мною в злонамеренности и увлечению других, удалением из имения вверителя моего, каковой пример правосудия послужит для других обузданием своевольтва и тем доставлено будет спокойствие и безопасность вверенному мне значительному имению, причём имею честь присовокупить, что Гусевская хрустальная фабрика суть совершенно владельческая, а не на посессионном праве».

К приведённому «объяснению» был приложен «регистр о получаемом жалованьи» следующего содержания:

	Получали жалованье:	
	в 1837 г.	в январе 1838 г.
1. Разумей Васильев	389 р. 31 к.	37 р. 80 к.
2. Иван Николаев с хлопцом	423 р. 42 к.	57 р. 35 к.
3. Илья Сергеев	342 р. 51 к.	40 р. 32 к.
4. Семён Васильев с детьми	861 р. 65 к.	80 р. 21 к.
5. Степан Семёнов } дворники	802 р. 69 к.	32 р. 21 к.
6. Иван Семёнов } (с братом)	(с братом)	(один)
7. Григорий Ерофеев с братом Сергеем	776 р. 22 к.	77 р. 43 к.
8. Василий Яров с детьми	1 594 р. 40 к.	154 р. 88 к.
9. Фёдор Аристархов	254 р. 97 к.	43 р. 22 к.
10. Фёдор Морковкин с сыном	643 р. 09 к.	30 р. 58 к. (один)
11. Максимилиан Александров	351 р. 43 ¹ / ₄ к.	31 р. 19 к.
12. Агафангел Никифоров	367 р. 51,5 к.	35 р. 05 к.
13. Михаил Михайлов Калмыков	291 р. — к.	27 р. 25 к.
14. Захар Васильев	276 р. 31,5 к.	36 р. 25 к.
15. Иван Фёдоров Калмыков с сыном	649 р. 26 к.	63 р. 93 к.
16. Пётр Николаев	341 р. 33 к.	30 р. 45 к.
17. Андрей Ермилов	431 р. 21,5 к.	30 р. 21 к. ¹
18. Гаврила Иванов	284 р. 09,5 к.	21 р. 47 к.
19. Финоген Назаров с сыном	509 р. 07,5 к.	32 р. 98 к. (сын) ²
20. Павел Филиппов	408 р. 86 к.	37 р. 04 к.

Получив это донесение, губернатор в тот же день, 9 марта, срочно разослал бумаги Меленковским Уездному и Земскому судам: «Поелику, — писал он земскому суду, — о столь важном происшествии я до сего времени не имею от земского суда донесения, то, требуя оного во всей подробности о обстоятельствах настоящего дела с первою непременною почтою, вместе с тем нужным нахожу предписать земскому суду заняться скорейшим и строгим сего дела исследованием, которым со всей основательностью обнаружить главных виновников и зачинщиков возникших беспорядков и, взяв их под строгий арест, распорядиться о поступлении с ними по законам, а мне с подробностью донести о последующем». Уездному суду губернатор предписал, когда следствие о возмущении мальцовских мастеровых поступит из земского суда на рассмотрение уездного суда, «поспешить сколь возможно рассмотрением и окончанием сего дела». Одновременно (того же 9 марта) губернатор писал к Ивану Васильевичу Вепрейскому: «...Я прошу вас оказывать в том (в обнаружении главных зачинщиков заговора. — Е. Д.) и с своей стороны суду содействие, а обнаружившихся

¹«Сверх сего сын учится в шлифовальне на господском содержании».

²«Да сверх сего кроме сына с женою на господском содержании и получает в год 170 руб.»

из числа виновных заключить под стражу только тех, кои окажутся в том главными, ибо значительное заарестование мастеровых не может обещать никакой пользы <кроме большого смущения между народом да и самое помещение тюрьмы не представит удобства>.¹ Я буду ожидать от вас подробных в своё время уведомлений о ходе сего дела и успехе мер, какие в настоящем случае будут приняты земским судом».

10 марта Меленковский Земский суд послал Владимирскому гражданскому губернатору рапорт «о мастеровых Гусевской г-на Мальцова фабрики, делавших неповиновение своему начальству и прочие поступки». В этом рапорте говорилось следующее:

«26-го истекшего февраля камергера, коллежского советника и кавалера Ивана Сергеевича Мальцова поверенный Козьма Михайлович Бурышев в поданном в сей суд объявлении объяснил: мастеровые означенного господина Гусевской хрустальной фабрики Иван Николаев, Илья Сергеев, Разумей Васильев, Фёдор Аристархов, Максимилиан Александров, Фёдор Морковкин, Семён Васильев, Агафангел Никифоров, Михаил Михайлов, Захар Васильев, Иван Фёдоров, Павел Филиппов, Степан Семёнов с братом, Пётр Николаев, Григорий Ерофеев с братом, Игнатий и Гаврила Васильевы Яровы, Андрей Ермилов того февраля с 24 на 25 число около полуночи, собравшись из них к Разумею Васильеву в амбар, состоящий на дворе под навесом у задних ворот, намеревались учинить присягу и подписку, чтобы стоять заодно миром и друг друга не выдавать, но к чему таковые предприятия ими деланы, подробно узнать не мог, — по коему объявлению для произведения на месте следствия отправлялось временное отделение земского суда, которое следствие открыло, что означенные мастеровые, не успев сделать в том амбаре присяги, по усмотрению заводских прикащиков учинили оную в доме мастерового Семёна Васильева с 26 на 27 число перед заутренею и во время оной. Означенные мастеровые кроме Агафангела Никифорова на учинённых им допросах показали, что присяга ими учинена была для того, что они, почитая себя приписанными, а не так как крестьянами г-на Мальцова, не получают верхов на заработки и намеревались написать просьбу управляющему своему Ивану Васильевичу каждый о своих обидах и просить верхов на заработки, а если просьба их не понравится и кого-либо чрез то обидят, то стоять за одно и друг друга не отдавать, в чём и учинили присягу крестным целованием, из коих Разумей Васильев, Илья Сергеев, Степан Семёнов, Григорий Ерофеев, брат его Сергей Ерофеев и Гаврила Васильев Яров рукоприкладств к допросам своим не учинили, говоря, что не хотят; Агафангел же Никифоров на своём допросе показал, что он слышал от Ивана Николаева, что будто бы вышло дело их и велено освободить их на волю, почему старшие, разговаривая, как бы к делу этому приступить лучше, положили употребить предлог, чтоб написать прежде каждому свои неудовольствия или претензии в виде нужд и подать означенному управляющему; если удовлетворит всех, то подумать остаётся, а буде откажет и не удовлетворит, то, выбравши кого-нибудь из среды себя, искать ходатая для отыскивания сказанного освобождения их из владения господина их указа и в случае чтоб что ни случалось с ними, то им стоять за одно, в чём и учинили присягу; на очных же ставках все вышеписанные мастеровые, кроме Семёна Васильева в том сознались; повальным же обыском все они не одобрены; доставленным же от господина Мальцова титулярный советник Вепрейский сведением объяснил о полученных ими за работы платах, о прочих представленных им к содержанию выгодах, равно и по какому праву они достались вверителю его и откуда предки их были и, приложив при том ревизские сказки вместе с актами и копии с последовавших решений Меленковского уездного суда, утверждённых гражданской и казённой палатами и наконец прав. сената о отыскивании предками их свободы назад тому лет 30, затем дополнил, что, управляя имением камергера Мальцова шестой год, с прискорбием...² Следствие производилось февраля 28, марта 1, 2, 3, 4, 5 и 6 чисел, и означенные мастеровые, признанные уполномоченным Вепрейским более для имения вредными, и ещё Сергей Ерофеев и Гаврила Васильев, не приложившие к показанию свои единственно по упорству и грубости рук, на основании 14-го тома законов о предупреждении 140-й статьи отосланы для содержания под стражею к г-ну городничему, а дело в сей суд представлено 9 числа, которое того же дня передано на рассмотрение

с. 12

¹Заключённое в эти скобки в черновом отпуске письма к Вепрейскому зачёркнуто.

²Далее следует буквальное повторение до конца (кончая словами: «а не на посессионном праве») приведённого выше «Объяснения» Вепрейского.

в здешний уездный суд при рапорте за №784, о чём вашему пр-ву Земский суд и имеет честь донести. Земский исправник Соймонов. За секретаря столоначальник Луков. Столоначальник Критский».

Губернская администрация весьма интересовалась ходом дела. 29 марта губернатор предписал Меленковскому уездному суду немедленно приступить к рассмотрению этого дела и каждую неделю доносить ему о производстве его по суду. Но суд и без напоминаний спешил с окончанием дела. 31 марта (1838 г.) Меленковский уездный суд рапортом сообщил губернатору о решении Гусевского дела. Приводим это сообщение полностью.

«В сём уездном суде имелось в производстве дело мастеровых Гусевской г. Мальцова фабрики: Разумнике Васильеве, Илье Сергееве, Степане Семёнове, Григорье Ерофееве, Иване Николаеве, Семёне Васильеве, Захаре Васильеве, Василье Никифорове, Сергее Ерофееве и Гавриле Васильеве, судимых за выводимый начальством той фабрики умысел в неповиновении помещику их и сверх того за намерение отыскивать вольности якобы по непринадлежности их к крепостному праву, которое 16-го сего марта решено и решительным определением заключено: из дела сего видно: мастеровые Гусевской хрустальной фабрики г. Мальцова Иван Николаев, Илья Сергеев, Разумник Васильев, Фёдор Аристархов, Максимилиан Александров, Фёдор Морковкин, Семён Васильев, Захар Васильев, Иван Фёдоров, Павел Филиппов, Степан и Иван Семёновы, Пётр Николаев, Григорий и Сергей Ерофеевы, Игнатий Васильев Яров, Андрей Ермилов и Гаврило Иванов, с 24 по 25 число февраля в ночи, собравшись из мастерских в анбар мастерового Разумника Васильева, намерение своё положили в том, будто написали просьбы управляющему именем г. Вепрейскому о своих обидах и утеснениях, чтоб он отличил их от прочих мастеровых и ожил бы сверх жалованья лишние цены за работы, ибо они считают себя не крепостными г. Мальцова; подписки и присяги тут не успели сделать, а только уверяли друг друга, в случае, если просьба их управляющему не понравится, кого-либо чрез то обидят, то стоять за одно и друг друга не выдавать, а таковую учинили на 27 число в заутреню в доме мастерового Семёна Васильева, и в верности сего прикладывалась к кресту. Изъявленное в допросах неучинивших к ним по упрямству своему рукоприкладства, объявивших в сём суде на передопросах по одному лишь неведению и страху неудовольствие мало заслуживает вероятия, ибо, если в сём только случае претензия их состояла, то всякий бы мог явиться без учинения таковых поступков к управляющему Вепрейскому, к которому они всегда имеют свободный вход и доступ во всякое время и всегда, а в действительных нуждах, как по следствию открылось, делалось и делается им всякое пособие; между тем как и сами они никакой претензии не объявили, кроме об одной прибавке заработка их, но все мастеровые, доставшиеся ему, Мальцову, по наследству после родителя его с давних лет, получают задельную плату за каждую обработанную вещь по установленной таксе, достаточное количество денег, так что всякий мастеровой получает от 300 до 400 руб., ибо таковое жалованье полагается по прилежанию и тщательности их самих, а сверх того за отличные работы полагается им особенные награды, но они мастеровые, приписными, как пишет управляющий Вепрейский, именующиеся, забыв долг обязанности своей, увлекаясь беспрестанно ложными понятиями о свободе, обращаясь почасту в пьянстве, всегда бывают склонны к неповиновению и грубости, наконец, простёрли свою дерзость до того, что хотя они при допросах замысла своего и не открыли, в чём таковой состоял, но настоящим образом на очных ставках сознались, что они в сие время, найдя свободный случай, учинили между собою заговор отыскивать свободу из владения г. Мальцова, тогда как по иску некоторых из них в 1805 году решениями судебных мест, утверждёнными Правительствующим Сенатом, оставлены они навсегда во владении г. Мальцова. Впрочем выражение их при крестном целовании: стоять за одно и друг друга не выдавать — не иное что означает (хотя они под личиною скромности и скрываются), как другой какой-либо злонамеренный замысел, клонящийся ко вреду самого имени г. Мальцова, к чему относится и самый заговор их к отыскиванию непринадлежащей им свободы, и во всяком случае учинение крестного целования и слова: друг друга не выдавать — заключают в себе возмутительное преступление и сей поступок, облечённый в сферу неповиновения законным властям, клонится к поколебанию прав владельца, нарушению общей тишины и спокойствия и возбуждению беспорядков, особенно рассказами из них Иваном Николаевым и Ильёю Сергеевым о получении указа в Москве о даче им из владения г. Мальцова свободы, как они сами то на допросах своих показали:

1-й — что он слышал от Московского купца Ефрема Семёнова, а последний от Разумника Васильева; на очных ставках Николаев, будучи избличён Семёновым, что он его бранил по родству по доходящим до него слухам о толках их о свободе, о которых он по близкому жительству часто слышал, сознался в оклеветании на него и что он это выдумал, убоясь обнаружить своё и прочих товарищей намерение, а Сергеев утвердил свой допрос, а потому уездный суд, руководствуясь Сводом Законов уголовных 15 тома III, 242, 243, 247 и 395 статьями, полагает означенных мастеровых: Разумника Васильева, Семёна Васильева, Василия Никифорова, Илью Сергеева, Захара Васильева, Степана Семёнова, Ивана Николаева и Григория Ерофеева, как более замеченных управляющим г. Мальцова в злонамеренности к неповиновению и увлечению к сему других, которых поведение на повальном обыске не одобрено, наказать публично плетью чрез палача и дать оным по 15 ударов каждому в страх другим на месте в Гусевской фабрике, потом сослать в Сибирь на поселение; а мастеровым Финогену Назарову, Фёдору Аристархову, Максимилиану Александрову, Фёдору Иванову Морковкину, Михаилу Михайлову Калмыкову, Петру Николаеву, Ивану Фёдорову Калмыкову, Павлу Филиппову, Ивану Семёнову, Григорию и Сергею Ерофеевым, Игнатию Васильеву, Андрею Ермилову, Гаврилу Иванову и Агафону Никифорову, как они будучи вовлечены в таковой поступок теми 8 человеками по неведению замысла их на основании того же тома 394 статьи предоставить учинить наказание на волю г. Мальцова с строгим предупреждением, чтобы они впредь от подобных сему случаев удалялись, вменя из них Сергею Ерофееву и Гавриле Васильеву тюремное содержание за неприложение рук к своим допросам в наказание, для чего их, из-под стражи освободя, отдать в вотчину с роспискою, а Гаврилу Васильева Ярова и Павла Остафьева по небытию их на таком совещании на основании того же тома 107 и 108 статей от суда освободить; но, не приводя сего мнения во исполнение, наперёд оное дело, сочиня из него экстракт и учиня ему опись, отослать на главное рассмотрение во Владимирскую палату уголовного суда при доношении, о чём вашему превосходительству уездный суд сим покорнейше и доносит. Уездный судья Пачиони (?!). Секретарь Горский».

4. Калязинские крепостные мастерки-фабриканты

Своеобразные фигуры представляли собою в первой половине XIX века фабриканты — выходцы из рядов крепостного крестьянства. Эксплуатируя на «вольных» началах труд крепостных крестьян, сами они сплошь и рядом продолжали до поры до времени оставаться крепостными. Таковы многие из известных потом на всю Россию иваново-вознесенских фабрикантов, крепостные графа Шереметева, ряд фабрикантов Кинешемского района Костромской губернии, потомки которых в конце XIX ст. были владельцами крупнейших хлопчатобумажных фабрик — Коноваловы, Разорёновы, Миндовские. В лице этих крепостных фабрикантов, представлявших собою целый новый общественный слой, ходом экономического развития выдвигавшийся на авансцену промышленной жизни, причудливым образом сочетались элементы и старого, крепостного хозяйства и нового, буржуазного строя. Многие из них, ворочая значительными капиталами, занимая на своих фабричках десятки наёмных рабочих, раздавая в работу по округе пряжу сотням кустарей, ведя в значительных размерах разнообразные торговые операции, — продолжали оставаться «нижайшими рабами» своих помещиков, трепещущими перед ними за своё благополучие. И вместе с тем, создавая свой достаток и преуспевание на зыбкой, казалось, почве крепостного строя, в атмосфере насыщенного произволом крепостного «права», эти пионеры капиталистической буржуазии прекрасно умели использовать в своих интересах силу этого строя.

Иногда зависимость крепостного фабриканта от помещика осложнялась ещё зависимостью его от крупного вольного фабриканта, обычно городского купца, на которого он работал, получая от него необходимое для производства сырьё (основную и уточную пряжу) и сдавая ему наработанные изделия.

Несмотря на всю сложность обстановки, являясь в полном смысле этого слова средним слоем, занимавшим промежуточное положение между стоявшими над ними помещиком и городским купцом-фабрикантом и находившимися под ними наёмными рабочими и кустарями, эти фабриканты-мастерки рано научились определять свою позицию, как класса,

по отношению к своим рабочим и согласовывать свои действия, когда этого требовали их общие интересы. Зародыши будущих предпринимательских организаций, которые потом уже, на исходе XIX века, стали так пышно разрастаться и на русской почве, надо искать ещё здесь, среди фабрикантов-мастерков, засевших так плотно в порах крепостного строя.

Ниже мы приводим два документа, рисующих попытку совместных, объединённых действий крепостных фабрикантов против своих рабочих. Вместе с двумя другими документами, показывающими характер отношений этих мелких фабрикантиков к купцу-раздатчику и стремление их найти в лице помещицкой власти защиту от притязаний раздатчика, документы эти дают далеко не лишний материал к познанию так мало ещё изученной дореформенной фабрики первой половины XIX столетия.

Относятся документы к одной из вотчин известных графов Воронцовых — селу Семёновскому и деревне Горé Калязинского уезда Тверской губернии.

Аналогично тому, как это наблюдалось в классических районах развития хлопчатобумажной промышленности, в губерниях Владимирской и Костромской, появление мелких фабрикантов, выходцев из крепостного крестьянства, в Тверской губернии происходило также в первой половине XIX века. Мы не задаёмся целью подробно описать этот процесс постепенного выделения из массы крепостного крестьянства отдельных фабрикантов, для нас достаточно лишь отметить, что в 30-х и 40-х годах процесс этот в основных своих чертах уже был завершён, и имела уже на лицо в результате его заметная по численности и значению в промышленности группа фабрикантов-крестьян.

Главным местом фабрикации бумажных изделий в Тверской губернии был Калязинский уезд. Здесь в 40-х гг. XIX ст. существовал целый ряд мелких фабрик бумажных изделий, вырабатывавших миткаль или холстинку, организованных государственными и помещицкими крестьянами.

Имеются сведения о размерах производства на этих фабричках 1845 г.¹

	Число фабрик	Число станов	Число рабочих	Выткано аршин	
Производство миткаля:					
У государственных крестьян					
Поречской волости Тимофея Тимофеева и Ивана Иванова	2	28	34	52 000	[36 982,4 м]
У крестьян Сабурова	2	60	70	90 000	[64 008 м]
Производство холстинки:					
У крестьян Сабурова	1	22	25	40 000	[28 448 м]
У крестьян князя Воронцова	3	95	115	112 000	[79 654,4 м]
У крестьян Палицына	1	10	12	10 000	[7 112 м]
У крестьян Павлова	1	15	20	20 000	[14 224 м]
У крестьян Чирикова	1	50	60	50 000	[35 560 м]
Всего	11	280	336	374 000	[265 988,8 м]

Из приведённых данных видно, что всего в Калязинском уезде было 11 фабричек, из них большая часть (9) принадлежали помещицким крестьянам. Средний размер фабрики — 25 станов и 30 рабочих. Средняя годовая выработка составляла 34 000 аршин [24 180,8 м].

Изготавливались миткаль и холстинка из пряжи московских и частью ярославских купцов, за выработку из неё ткани калязинские фабриканты получали от 2 до 3 коп. серебром с аршина.² Фабриканты Поречской волости (Тимофеев и Иванов) за всю свою выработку (52 000 аршин [36 982,4 м]) получили 1 700 руб. (Тимофеев 1 500 р. и Иванов 200 р.) или по 3,27 коп. с аршина. В общем итоге по всем фабричкам Калязинского уезда выручка составила до 14 500 руб.³ или по 3,88 коп. с аршина. При средней выработке в 34 000 аршин [24 180,8 м] средняя выручка давала фабриканту следовательно 1 318 р. в год.

¹Нижеприводимые сведения о выработке за 1845 г. взяты у Преображенского: *Преображенский*. Описание Тверской губернии / Преображенский. — СПб., 1854. — С. 517—518.

²Там же. — С. 517.

³Там же. — С. 518.

с. 15

с. 16

Из печатаемых ниже документов наибольший интерес представляет условие, заключённое в 1837 году между шестью фабрикантами села Семёновского. Условие это любопытно тем, что вскрывает наличность далеко не идиллически-патриархальных отношений, существовавших между предпринимателями и рабочими ещё на заре капиталистического развития. Мастерки чинят рабочим «неудовольствия», в свою очередь рабочие делают хозяевам «обиды», забирают под работу деньги, а затем, не отработавши их, «обманом» уходят к другому хозяину, причём, очевидно, явление это принимает широкие размеры, так как мастерки уславливаются, без настоящих «рассчётов» рабочих к себе не сажать.

Заключённое соглашение однако оказалось не совсем прочным. Один из участников нарушил условие, «вышел из правил» его и начал принимать к себе работников «безо всяких росписок». Тогда остальные пять фабрикантов, очевидно, не имея возможности непосредственно повлиять на нарушителя условия, обратились за содействием к главноуправляющему Московской домовою конторы Воронцова. Указывая, что они не хотят нарушить своё условие, а хотят быть «настоящими крестьянами», фабриканты «всепокорнейше» просили понудить нарушителя порядка уплатить наложенный ими на него штраф и «быть впредь покорному в союзе нашем». «В противном случае, — говорится в прошении, — если нам всем нарушить установленный порядок, то и денег давать вперёд рабочим не будем, чрез что может случиться остановка в платеже оброка и не навлечи бы от вашего высокоблагородия всей вотчине какого неудовольствия». Последнее указание должно было звучать особенно убедительно для вотчинника, который всё своё благополучие строил именно на развитии оброчной системы; с точки зрения этой системы всякого рода неземледельческие промысловые заработки среди крепостного населения заслуживали всяческого поощрения, так как обеспечивали исправное поступление помещику оброка. Составители прошения прекрасно понимали, насколько вотчинник был заинтересован в том, чтобы оброк с его менее мощных крестьян поступал полностью и своевременно, и, поскольку исправное и своевременное поступление оброчных платежей было связано с ненарушимым ходом фабричных работ, должен был идти навстречу их притязаниям. В данном конкретном случае интересы фабрикантов так тесно сплелись с интересами вотчинника, что нельзя сомневаться в том, что домовая контора пришла на помощь фабрикантам и оказала то или другое в интересах их воздействие на нарушителя условия, хотя об этом документальных подтверждений мы не нашли.

Также стремились использовать власть помещика крепостные мастерки и в других случаях, когда надо было защититься от сильного человека. Мастерки села Семёновского Дмитрий и Пётр Федосеевы и Филиппов работали на купца 2 гильдии г. Александрова Владимирской губернии Григория Дмитриева Зубова, получая от него бумажные основы и уток. Связь их с этим купцом была длительная. К 1850 г., когда у них случился с этим купцом конфликт, они работали на него в течение 13 лет. В 1850 г. купец Зубов принёс в главную контору жалобу на названных выше мастерков, обвиняя их в том, что они «приостановили товар у него». Вообще отношения между ними запутались: Федосеевы считали, что за Зубовым, за его конторою заработанных их денег имеется 1 090 р. 67 к. ассигнациями, а Зубов считал за ними своих 1 470 р. Федосеевы и Филиппов оправдывались, утверждая, что товар выработкою не приостанавливался, а дорабатывался, и что, наоборот, сам Зубов виноват в приостановке высылки им утка. Опасаясь от Зубова «разорения и убытка», мастерки обратились с «покорнейшим прошением» в Московскую домовую контору, прося покровительства и помощи.

Мы не знаем, чем в конфликте мастерков-фабрикантов с купцом-раздатчиком кончилось дело и увенчались ли успехом хлопоты мастерков, но мы видим, что эти мастерки весьма охотно укрывались под защиту своего вотчинника, да ещё такого крупного и влиятельного магната, как граф Воронцов, когда интересам их грозил ущерб, от рабочих ли, от городского ли купца. В этом умении приспособляться к крепостному строю и использовать его аппарат для защиты своих интересов, быть может, кроется объяснение той поразительной цепкости, живучести и энергии, какие обнаружили выходцы из крепостного крестьянства — носители возникавшего буржуазного строя, заключавшие ещё в расцвет крепостной эпохи союзы между собою против рабочих.

Приложения¹

1) «Условие. 1837 г. октября 27 дня. Мы, нижеподписавшиеся Тверской губ. Калязинского уезда села Семёновского содержатели собственных своих фабричных заведений мастерки Иван Федосеев, Козма Иванов, Андрей Антонов, Герасим Филиппов, Андрей Лукьянов и Савелий Иванов утверждаем сие впредь без нарушения сего порядка: имея каждый из нас в своих заведениях рабочих людей, которые садятся работать и забирают под работу вперёд немалое количество денег, после чего каждый делает хозяину чрез какое-нибудь неудовольствие обиду, забравши вперёд деньги и не заработавши оных, отходит к другому обманом и опять от другого также заимствуется, а дабы не было между нами никакой связи в ткачах, всякий ткач должен отходить от одного хозяина к другому без заработной, а нам таковых ни под каким видом без настоящих расчётов не сажать, а если кто такового посадит, всякий у нас должен в штраф ответственность по 10 р. ассигнациями, таковой же порядок должны наблюдать и с посторонними крестьянами, к каковому условию всякий своеручно подписуемся. К сему условию Иван Федосеев руку приложил...» (Далее идут рукоприкладства остальных мастерков, причём вместо Емельяна² Герасим Филипов руку приложил.)

2) «Его сиятельства графа Михаила Семёновича Воронцова Московской домовою конторы господину главноуправляющему его высокоблагородию Ермолаю Андреевичу фон-Цур-Милену Тверских вотчин села Семёновского и деревни Горы от фабрикантов покорнейшее прошение. Мы, нижеподписавшиеся рабы, осмеливаемся довести до сведения вашего высокоблагородия и всепокорнейше просить: имея всякой из нас выстроенные на собственной кошт фабрики, в которых находится немалое количество рабочих людей своей вотчины, а также есть и посторонние на изделия бумажных товаров и заработной денег, которым мы давали, да и теперь даём не только заработанные, а и вперёд как-то закладываем оброк, платим казённые повинности, даже ссужаем и на домашние нужды; таким образом забирают вперёд рублей по сту и более, но, неудовольствуясь этим, начали делать между нами, фабрикантами, обман и причинять каждому обиду; забравши у одного хозяина вперёд под работу деньги и не заработавши оных, отходит чрез какое-нибудь расстройство к другому и поступают таким же образом, которых и принудить к заработке никакой возможности не имеем; в случае таковых обманов рабочими людьми сделали мы уже между собою прошлого октября месяца сего года за подписанием каждого своеручно условие, дабы всякий из нас друг от друга и ни под каким видом без расчётной росписки с забором принимать не мог, которое при сём подлинником прилагается и всепокорнейше просим вашего высокоблагородия по рассмотрению нашего условия и с своей стороны сделать утверждение, дабы никто из нас не осмеливался делать нарушения порядка, как сделал теперь один из нас, Андрей Лукьянов, которой, подписавши своеручно и делал с клятвою пред богом обещание, что ни одного работника сажать к себе в фабрику без расчёта не будет, а наконец вышел из правил нашего условия и безо всяких росписок начал принимать и опять, а мы не хотим нарушить своего условия, а быть настоящими крестьянами и желаем поддержать других; всепокорнейше просим нарушителя порядка понудить возложенный нами штраф по условию уплатить, в каковом делает упорство по одному упрямству, а ему, Лукьянову, быть впредь покорному в союзе нашем и не делать таковых раздоров; в противном случае, если нам всем нарушить установленный порядок, то и денег давать вперёд рабочим не будем, чрез что может случиться остановка в платеже оброка и не навлечи бы от вашего высокоблагородия всей вотчине какого неудовольствия. Декабря 5 дня 1837 года. К сему прошению Герасим Филиппов руку приложил». (Далее идут рукоприкладства Кузьмы Иванова, вместо Андрея Антонова брата его Авксентия, вместо д. Горы Емельяна Кузьмина за неумеющего грамоте с. Семёновского крестьянина Герасима Филиппова, с. Семёновского Ивана Федосеева.)

с. 18

¹ Владимирский губархив, архив Воронцовых. Печатаются без сохранения орфографии подлинников.

² Как видно из следующего документа, фабрикант деревни Горы, по-видимому, ошибочно не названный в начале условия.

3) «Рапорт бурмистра Тверского вотчинного правления князя М. С. Воронцова от 25 марта 1850 г. № 3 в главную его сиятельства Московскую домовую контору г-ну главноуправляющему его высокоблагородию Ермолаю Андреевичу фон-Цур-Милену: При сём честь имеем представить отношение на предписание Московской домовой конторы и вашего высокоблагородия от 11 марта за № 118 о прошении купца Зубова в расчётах с крестьянами ведомства моего Федосеевыми и Филипповым, которой купец Зубов подавал прошение, но как я крестьян понуждал к расчёту и сделал им допрос о их расчётах с купцом Зубовым, но как Федосеевы показывают, что за купцом Зубовым за конторою заработанных ихних денег ассигнациями 1 090 р. и 67 к., а по прошению купца Зубова за означенными крестьянами Федосеевыми 1 470 р., а об наличной же сумме по прошению купца Зубова налагает на Федосеевых обиду, а производства имели с купцом Зубовым — не менее 12 годов работали на него, и Филиппову Зубов по прошению своему учиняет такую же обиду, как и Федосеевым сказано, об наличной сумме обижает купец Зубов, а в прошении купец Зубов показывает на крестьян Федосеевых и Филиппова, что будто бы Федосеев и Филиппов приостановили товар у него, а он не приостановлен, а дорабатывался и о приостановке о высылке нам от него утка и в этом и была приостановка товару; впрочем отдаёмся на ваше благорассмотрение и ожидать буду милостивейшего приказания, а по безграмотству бурмистра прилагается фамильная печать».

с. 19 4) «Тверских его сиятельства князя Михайла Семёновича Воронцова вотчин его высокоблагородию главноуправляющему Московской домовой конторы господину Ермолаю Андреевичу фон-Цур-Милену села Семёновского крестьян Дмитрия и Петра Федосеевых покорнейшее прошение. Касательно прошения, последовавшего от купца 2 гильдии Владимирской губ. г. Александрова Григория Дмитриева, что мы взяли по прежним нашим с оным купцом договорам в течение 13 лет у одного купца бумажных основ и утка, но оные бумажной же пряжи взяты нами справедливо по прежнему для выработки по условию как основа, так и уток бумажные.

1. Выработка остановилась оных основ по причине недостачи утка на оные основы, но мы, выработывая оное, видим недостаток утка, чего и требовали от него неоднократно, но он, купец, и его контора утка нам в недостатку не выслали, и потому выработка оных основ сделалась продолжительною, и, дожидаясь присылки утка была работа приостановлена; наконец принуждёнными остались уток для выработки заимствовать от других мастеров своих товарищей села Семёновского,

2. Купец оный, Дмитриев, по прошествии несколько времени или же сам прикащик его по своей воле якобы для осмотра нашей работы осматривал и перевешивал нам выданные основы для выработки, но главной их цели мы дознать не могли, доколе не получили конторы приказа и прошения, последовавшего на нас, будто мы остановили его материал за недоставку конторою одного купца заработанного нами капитала, — почему и выдумали утруждать ваше высокоблагородие ложным на нас доносом. — Просим всепокорнейше, как защитника и покровителя нас, не допустить нас до разорения и убытка; как мы видим из его прошения, что купец Дмитриев и контора его приводит нас в разорение и важные убытки, потому что в течение 1848 и 849 гг. состоит нам должным более 300 руб. серебром, что и значится по нашим записным книгам, выданным его конторою, заработанного нами капитала; оные же деньги не получа от его конторы, мы своих собственных роздали рабочим за выработку прежней и теперешней выработки. Купец же и его контора требует от нас товару, выработанному нами, для нас в обиду и притеснение, дабы сделать с нас вычет и провеса и тем притеснить нас, не заплатя ещё прежнего капитала, товар же его уже весь готов к сдаче, но по прошению, на нас последовавшему, отдать им как без приказания вашего, так и не получа от оной его конторы заработанного счёта представить не можем, а осмеливаясь прибегнуть и утруждать к покровительству вашему, дабы был вытребован от купца и его конторы счёт заработанного нами капитала без всякого со стороны его обиды и притеснения».

5. К истории медицинской помощи в Иваново-Вознесенском фабричном районе

«М-во внутр. дел Владимирской губ. Шуйского уезда медика Д. Ф. Попова, служащего при фабриках с. Иванова с правом государственной службы № 16 июля 30 дня 1843 г. В главную Московскую его с-ва графа Михайлы Семёновича Воронцова отношение.

Из практических наблюдений моих в течение 18 месяцев заметил я, что вторую весну существует в здешнем уезде перемежающаяся лихорадка и преимущественно поражает бедного класса людей, т. е. крестьян обоюбого пола, которые если остаются без медицинского пособия, то переходят в брюшные завалы, водянку и в смерть, в числе которых находятся и его с-ва графа Воронцова занимающиеся работой на фабриках в Иваново, равно же и в окружных сёлах и деревнях своих, и очень часто являются ко мне для подания медицинского пособия в вышеозначенной болезни, равно же и других, как-то ранах, ушибах, переломах, эротических язвах и тому подобные по случаю открытия аптеки в Иваново и моего постоянного жительства, но по бедности не могут платить за лекарство в аптеку.

То из всех вышеозначенных обстоятельств видно, что крестьяне его с-ва в окружности Иваново и в Иваново остаются без всякого медицинского пособия и получают от болезней значительные повреждения и нередко получают и прилипчивые болезни, как то венеру и чесотку, и заражают свои семейства, от которых после рождаются дети худосочные и с врождёнными болезнями, но чтобы избавлять вышеозначенных крестьян от таковых болезней, то предлагаю г-ну главному управляющему оной конторой Ермолаю Андреевичу фон-цур-Милену мои услуги в следующих видах, которые, если найдёт он полезным и нужным, то могу исполнять в точности:

1-е. Принимаю на себя обязанности пользоваться всех крестьян его с-ва, в Иваново на фабриках проживающих, равно же и по надобности могу ездить в сёлы Афанасьеве, Авдотьино, Кочнево и прочие деревни.

2-е. Для удобства в лечении в Афанасьеве в конторе можно иметь достаточное количество лекарств, купленных с выгодой в Москве, которые по приезде моём могут быть выдаваемы по наставлению больным, равно же и у меня в квартире будут оные для крестьян, приходящих и проживающих в Иваново, и будет множество спасаемо их от трудных болезней и предохранено будущее здоровье с семействами оных, которые они расстраивают простыми лекарствами и нередко умирают преждевременно.

Покорнейше прошу оную контору по рассмотрении своём сделать своё замечание о согласии и меня уведомить. Служащий при фабрике с. Иванова медик Д. Попов».¹

6. Волнение среди рабочих фабрики Гарелина в селе Иванове в 1848 г.

Классовые антагонизмы в знаменитом Русском Манчестере начали проявляться очень рано.

Чрезвычайно любопытное на этот счёт указание находим в одной из статей Германа Гарелина: «Бывшие пожары в 1775—1781 гг. — говорит он, — произошли от поджогов самих ивановцев, для грабежа богатых жителей, что было открыто строгими исследованиями полицейских и вотчинных людей; вследствие этого поджигатели были найдены и, по суду жестоко наказанные кнутом, сосланы в каторжные работы».²

В первой половине XIX столетия в Иваново быстро расцветает фабричная промышленность. Расцвет этот сопровождается сильным ростом рабочего класса. Литературные источники указывают, что ещё в дореформенное время среди иваново-вознесенских рабочих имели место настоящие стачки. Составители «Свода материалов по кустарной промышленности в России», князь А. А. Мещерский и К. Н. Модзалевский (СПб., 1874, стр. 406), ссылаясь

¹ На приведённом заявлении имеется помета: «№ 576 Получ. 7 авг. 1843 г., ответств. 14 авг. за № 295».

² Гарелин, Г. Старинные предания старожилов о бывшем селе Иваново / Г. Гарелин // Ежегодник Владимирского Губернского Статистического Комитета. — Владимир, 1880. — Т. 3. — С. 234.

с. 21

на статью В. Безобразова,¹ отмечают, что в с. Иванове, где в то время до 7 000 чел. постоянных жителей и до 10 000 временно проживающих рабочих были заняты изготовлением ситца, которого фабриковалось до 1 000 000 кусков в год (50 000 000 аршин [35 560 000 м]) на 7 500 000 р. серебром, «особенного внимания заслуживают отношения между фабрикантами и рабочими по дурному обращению первых с последними; они дурно платят рабочим и часто производят уплату бракованным товаром вместо денег и т. п. Здесь было уже несколько настоящих стачек рабочих (Strikes)».

Ниже публикуемые материалы показывают, что волнения среди ивановских рабочих, направленные против фабрикантов, происходили не только в 50-х гг. XIX ст., но и раньше. Одно из них было в 1848 г. на ситцевой фабрике почётного гражданина Юрьеveckого 1 гильдии купца Якова Петровича Гарелина, находившейся близ с. Иванова.

По описанию, относящемуся к 1849 г.,² на этой фабрике имелась паровая машина в 40 сил с 3 паровыми котлами в 75 сил, приводившая в действие 3 галандры, 2 цилиндренные машины одноколерные, 1 цилиндренную машину 3-колерную, белильную, 2 плюсовых, 2 накатальных и 8 мытильных колёс, а также снабжавшая водою красильную ситцев и белильную. Кроме того, на фабрике были 1 цилиндренная 3-колерная машина с 180 медными валами для печатания ситцев, 2 цилиндренные одноколерные машины с 220 медными валами для печатания ситцев, машина перотин для набивки ситцев, 2 гидрокстрактора для отжимания ситцев, 2 гравёрные машины и 1 долизир-машина. Посредством паров миткали и ситцы вываривались в деревянных чанах. Две гравёрные машины приводились в действие ручным способом.

Кроме указанных выше машин, на фабрике имелось 180 столов для набивки ситцев.

В течение 1849 г. поступило миткалей под набивку ситцев пунсовых, цветных и машинных одноколерных, двухколерных и трёхколерных следующее количество:

цветных	57,5 арш. ×	1 арш.	25 200 штук	по 8 р. 25 к.	на 207 900 р.
цветных	45	1,25	2 700	8 р. 40 к.	22 680 р.
цилиндренных	57	1	32 900	6 р. 10 к.	200 690 р.
пунсовых	55	1	6 900	16 р. — к.	110 400 р.
платк. пунсовых	34	1,5	1 200	17 р. — к.	20 400 р.
	34	1,75	1 200	20 р. — к.	24 000 р.
всего			70 100		586 070 р.

Сырые и вспомогательные материалы, необходимые для производства, покупались в Санкт-Петербурге, Москве, Казани и на ярмарках Нижегородской, Ростовской и в с. Иванове.

Сбывались готовые изделия в Москве, по ярмаркам Нижегородской, Ростовской, Ирбитской, Сибирской, Коренной, Роменской, Харьковской, Кременецкой, Саратовской, Мензелинской, Котельнической, Парской, в слободе Холуе и при доме в с. Иванове.

Рабочих и служащих всего на фабрике было 683 человек, в том числе 180 набойщиков, 70 штрифовальщиков, 23 резчика, 3 колориста (иностранцы), 8 гравёров, 15 разных подмастерьев, 8 рисовальщиков и учеников, 1 механик (иностранец), 12 прикащиков, 7 столяров, слесарей и кузнецов, 13 караульных (из военных) и 343 чернорабочих.

с. 22

Далее приводим самые материалы:

1) «Рапорт Шуйского Земского Суда от 2 июля 1848 г. Владимирскому Гражданскому Губернатору.³

Сего числа г. земский исправник представил при предложении рапорт пристава 2-го ста-на от июля 1-го числа за № 1907, в коем он доносит ему, что проживающий в с. Иваново

¹Безобразов, В. Село Иваново / В. Безобразов // *Отечественные записки*. — 1854. — С. 272.

²См: Ведомость о фабриках и заводах Владимирской губернии за № 1849. Владимирский губархив, дела канцелярии Владимирского губернатора.

³Настоящий и следующий документы извлечены из Владимирского губархива, из дела канцелярии Владимирского губернатора от 5 июля 1848 г. № 579 «по рапорту Шуйского земского суда о прибитии купца Гарелина его рабочими».

почётный гражданин Юрьевецкий 1-й гильдии купец Яков Петрович Гарелин поданным ему объявлением объяснял, что у него на фабрике к конторе пришла толпа рабочего народа и хотели его прибить; некоторые из них схватили его за горло и разорвали сюртук, так что хотели его убить, если б набойщики его не защитили, причём представил главных двух зачинщиков Владимирской губернии и уезда г. Купреяновой дворового человека Евстратия Максимова и Боголюбской волости Ивана Фёдорова, которые у пристава находятся под караулом, просит произвести на законном основании следствие о поступке сём, почему пристав отправлялся на заведение купца Гарелина, где действительно усмотрен на нем, Гарелине, сюртук изорванным, а потому пристав, донося г. исправнику, просит его известить, как ему поступить в таком случае, когда взбунтуется народ на фабриках его, купца Гарелина, или прочих фабрикантов, который отзывается под предлогом, что в селе Иванове происходит болезнь, но по мнению пристава этот народ уходит с фабрик от не потому что от болезни, происходящей в с. Иванове, а как ныне рабочая пора, то каждый идёт домой, потому что прежде в это самое время рабочий народ уходил домой, даже не сделавши с хозяином расчёта. Вследствие чего исправник земскому суду предложил донести о сём Вашему Превосходительству; сам же он отправляется сего же числа вместе с уездным стряпчим для произведения по сему предмету следствия временным отделением, о чём Вашему Превосходительству земский суд сим покорнейше и имеет честь донести. Старший заседатель (подпись). За секретаря губернский секретарь Чижев».

2) «Его Превосходительству г-ну Владимирскому гражданскому губернатору Шуйского земского исправника и уездного стряпчего рапорт.

Пристав 2-го стана Шуйского уезда рапортом от 1-го августа за № 1907 донёс о буйстве рабочего народа на фабрике почётного гражданина Юрьевецкого 1-й гильдии купца Якова Петровича Гарелина, о котором от его, Гарелина, было подано приставу объявление, вследствие какового рапорта, дав предложение земскому суду о предварительном донесении Вашему Превосходительству, которым уже и донесено, мы отправились на место происшествия для исследования временным отделением, куда прибыв, подписали приставу о доставлении подлинного объявления купца Гарелина и ежели им начато следствие, то и таковое, против какового предписания пристав рапортом того же 4-го числа за № 1932 донёс, что объявление купца Гарелина возвращено ему, Гарелину, обратно до начатия производства, почему приставу того же числа предписано было донести, на каком основании он возвратил обратно купцу Гарелину поданное им объявление. Пристав же рапортом того же числа за № 1933 донёс, что объявление купца Гарелина возвращено ему вследствие его, Гарелина, письма, писанного к нему, приставу, ибо это оскорбление нанесено ему, Гарелину, и он вправе простить и простил, а потому дело или происшествие это им, приставом, прекращено на основ. 2 тома Св. Зак. изд. 1842 и 2576 ст.

Несмотря на этот отзыв, временным отделением были опрашиваемы крестьяне Владимирской губернии и уезда Боголюбской волости села Волосова Иван Фёдоров и дер. Выремши г. Купреяновой Евстратий Максимов, которые показали: Иван Фёдоров, что он, проходя после обеда на работу, увидел у конторы большое количество народу, собравшегося просить у хозяина своего купца Гарелина расчёта за работу, то он, желая получить таковой же, остановился около означенной толпы. По приезде купец Гарелин спросил, зачем они собрались, и, услыша требование их, стал посылать на работу, но рабочие объявили, что они работать не станут, ибо боятся появившейся на фабрике их болезни холеры и с этим ответом хотели идти к становому приставу, но купец Гарелин приказал запереть ворота и выслать набойщиков, чего испугавши собравшиеся крестьяне все разбежались, а Иван Фёдоров, не почитая себя ни в чём виновным, стоял на одном месте и, когда увидел, что уже нет никого из рабочих, пошёл на место работы в мыловарню, не доходя до которой был остановлен купцом Гарелиным, который сказал ему, что он, Фёдоров, буян и, не принимая никаких оправданий, приказал запереть в амбар, из которого уже несколько времени был выведен, скован и отправлен в становую квартиру; за горло же купца Гарелина не брал, сюртука не рвал и намерения убить не имел. Евстратий Максимов показал тоже самое с дополнением таковым, что, когда рабочие говорили, что работать не станут, то подрядчик их, вынув письмо,

присланное к нему от помещицы Максимова, и отдавая читать Гарелину, сказал, что будто бы Максимов отдан ему в такое распоряжение, так что ежели он не будет работать, то подрядчик имеет право его наказать. Прочитав письмо, Гарелин подозвал Максимова к себе, ударил рукою по лицу и хотел тащить в контору, рабочие же за него ухватились и не хотели отдать, но пришедшие набойщики у них отняли и увели в контору, по выпуске из которой было с ним поступлено также, как и с крестьянином Иваном Фёдоровым по выпуске из амбара. После чего отношением от 5 июля № 25 требовали от купца Гарелина подлинное объявление к производству следствия, на каковое требование Гарелин уведомил, что он простил тех рабочих людей по христианскому снисхождению, которые причинили ему личное оскорбление, и объявление, поданное им становому приставу и впоследствии ему возвращённое, им уничтожено, почему при отношении от 6-го июля за № 26 посылаема была к нему копия с донесения пристава для утверждения обстоятельств, прописанных в донесении пристава Барановича, на каковое он, Гарелин, уведомил, что он от рабочих своих, кроме личной обиды, ничего не имел, да даже и самый народ находится в спокойствии, а потому просит дело оставить без последствия. Лично же нами дознано, что буйства рабочих на фабрике не было, а только они не хотели жить у Гарелина, опасаясь появившейся холеры. О чём донося Вашему Превосходительству покорнейше просим Вашего распоряжения, продолжать это следствие или оставить без всякого действия. Земский исправник Горицкий. (?) Уездный стряпчий Златоустовский. № 26 июля 7 дня 1848 г.»

Помета: «Отвечать, что так как из настоящего дознания видно, что со стороны рабочих буйства не было, а хозяин фабрики претензию свою оставляет, то и сам я не нахожу более нужным производить по изъяснённом делу следствие».

с. 24

3) «Ваше Превосходительство, милостивейший государь Пётр Михайлович! Простите великодушно, Ваше Превосходительство, что я осмеливаюсь Вас покорнейшею и усерднейшею просьбою: в фабрике моей рабочий народ причинил мне личное оскорбление чрез свои грубые поступки, о чём доводил я до сведения станового пристава Барановича, который внушил им словесно, и они в то же время просили у меня прощения, и я по христианскому снисхождению простил, о чём честь имею довести до сведения Вашего Превосходительства.

Покорнейше и усерднейше прошу приказать временному отделению земского суда оставить оное без внимания и тем прекратить следствие.

Болезнь жены и недавняя потеря единственного сына заставляют забывать все обиды ближнего. Ваше Превосходительство, доброе внимание Ваше всегда было благотворением для нашего семейства, а потому и уверен в милостивом снисхождении. С истинным почтением честь имею быть, Ваше Превосходительство, милостивый государь покорный слуга Яков Гарелин. Иваново 7 июля 1848 г.»

Помета: «Приобщить к делу».

4) «10 июля 1848 г. № 6878. Г. Шуйскому Земскому Исправнику. Усматривая из рапорта вашего обще с уездным стряпчим за № 26, что проживающими на фабрике купца Гарелина рабочими людьми никакого буйства делается не было, кроме того что некоторые из них из опасения появившейся болезни холеры хотели самопроизвольно разойтись с фабрики по своим домам, и имея в виду полученное и мною от купца Гарелина сведение, что он означенных рабочих за такой поступок их против него по долгу христианскому прощает, даю вам знать, что за сим дальнейшее произведение исследования я считаю не нужным, если только в виду временного отделения нет других, более важных обстоятельств по сему делу, которые должны быть преследуемы на основании существующих узаконений».

7. Фабрика Попова в г. Шуе в конце 40-х годов XIX столетия

Имя Фёдора Герасимовича Попова в истории промышленности Иваново-Вознесенского района пользуется известностью. В 1847 г. им была открыта в Шуе первая механическо-ткацкая фабрика на 108 станков (и при ней прядильная фабрика), и уже по его примеру

механическое ткачество стало вводиться как в Шуе, так и в Иванове, Кохме и других местах.¹

В 1849 г., для которого сохранилось довольно подробное её описание,² фабрика Попова по величине годового производства, достигавшего 236 370 рублей, среди текстильных фабрик Шуи занимала третье место.³

Официально фабрика эта носила название «Вольно-купеческой бумаго-прядельной мануфактуры почётного гражданина Шуйского 1-й гильдии купца Фёдора Герасимовича Попова».

Помещалась фабрика в 5 каменных корпусах. Из них

- 1-й, трёхэтажный корпус, размером 28 × 8 сажен, был занят самоткацким (низ) и прядельным (верх) производствами;
- 2-й корпус (одноэтажный, 8,5 × 8 сажен) — паровой машиной,
- 3-й корпус (трёхэтажный, 10 × 8 сажен) занимался рабочими людьми,
- в 4-м (двухэтажном, 33 × 6 сажен) здании находилось ткацкое ручное производство и, наконец,
- 5-й корпус (в один этаж 15 × 4,5 сажен) служил для складки товара и материалов.

На фабрике имелся целый ряд машин. В прядельном отделении имелись машины: 2 трепальных, 1 настилальная, 20 чесальных 2 ленточных, 13 ровинсовых и 18 мюльных с 7 200 веретён. В ткацком отделении имелись 2 разматывальных машины, 2 сновальных, 4 шлихтовальных, 108 механических станков, 1 клеильная и 1 основы навивальная.

«Действие» фабрики происходило «из паровой машины высокого давления в 30 сил с 3 котлами».

За 1849 г. на фабрике было употреблено следующее количество материалов:

бумаги хлопчатой	6 000 пудов	по 8 р. — к. пуд	на 48 000 р. сер.
бумажной пряжи английской и русской	500	18 р. — к.	9 000 р. сер.
бумажной пряжи своего прядения	5 000	17 р. — к.	85 000 р. сер.
муки крупитчатой	600	1 р. 20 к.	720 р. сер.
сала говяжьего	60	3 р. 40 к.	204 р. сер.
свеч сальных	30	3 р. 70 к.	111 р. сер.
масла деревянного	250	8 р. — к.	2 000 р. сер.
масла лампового	400	2 р. 50 к.	1 000 р. сер.
дров разных 4/4 и 5/4	2 500 сажен	по 1 р. 80 к. сажень	на 4 500 р. сер.
Всего			150 535 р. сер.

Бумага хлопчатая выписывалась из Англии, пряжа покупалась в Москве, остальные материалы в Москве и Шуе.

Выработка за тот же 1849 г. составляла: в прядельном отделении было выработано бумажной пряжи медио с № 32 по 38 2 500 пудов [40 951 кг] по 17 руб. 50 коп. на 43 750 р., и утка медио №№ 38—46 — 2 500 пудов по 16 р. 50 к. — на 41 250 р.

В самоткацком производстве было выработано машинного миткаля:

№ 1 — 45 арш. длин. в 1 арш. — верш. шир. на	70 станах	10 000 шт. по 4 р. 50 к.	на 45 000 р.
№ 2 — 45	1 —	12 2 000	4 р. 25 к. 8 500 р.
№ 3 — 45	1 —	12 2 000	4 р. — к. 9 000 р.
№ 4 — 45	1 4	7 1 000	5 р. 40 к. 5 400 р.
№ 5 — 45	1 3	7 1 000	5 р. — к. 5 000 р.
Всего	108 станах	16 000 шт.	на 71 900 р.

Ручного миткаля при фабрике было выткано:

¹ Свирский, В. Ф. Фабрики, заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губернии / В. Ф. Свирский. — Владимир, 1890. — С. 13.

² Описание фабрики Попова, приводимое ниже, заимствовано из «Ведомости о фабриках и заводах Владимирской губернии за 1849». (Владимирский губархив, дела канцелярии Владимирского губернатора.)

³ Первой была миткалевая фабрика купца Г. Л. Калужского с братьями (534 570 руб. суммы производства) и второй — ситцевая фабрика купца Г. В. Щеколдина с братьями (264 000 руб.).

в 1 500 зуб. в 31 арш. длин. в 1 арш. 6 верш. на 15 ст.	300	штук по 3 р. 60 к. на 1 080 р.
в 1 700 зуб. в 31	1	9 20 400 4 р. 25 к. 1 700 р.
в 2 200 зуб. в 31	2	— 15 300 5 р. 30 к. 1 590 р.
Всего	50 ст.	1 000 штук 4 370 р.

Помимо самой фабрики ручной миткаль работался ещё в домах и светёлках крестьян в округах Шуйской, Ковровской, Вязниковской, Суздальской и Нерехотской. Всего крестьянами было в 1849 г. выработано:

в 850 зуб. в 57 арш. длин. в 1 арш. — верш. на 350 ст.	7 000	штук по 4 р. — к. на 28 000 р.
в 1 000 зуб. в 57	1	— 350 7 000 4 р. 30 к. 30 100 р.
в 1 100 зуб. в 45	1	— 50 1 000 3 р. 80 к. 3 800 р.
в 1 300 зуб. в 45	1	3 150 3 000 4 р. 40 к. 13 200 р.
Всего	900 ст.	18 000 штук 75 100 р.

с. 26 В общей сложности на фабрике и на стороне работало на Попова 1 058 ткацких станков, выработавших в 1849 г. — 35 000 штук миткаля на 236 370 рублей серебром. Сбывался миткаль в Москве и Шуе.

Работа производилась наёмными рабочими. При прядильном производстве было 250 человек рабочих, кроме того, 1 англичанин (очевидно, мастер) и при нём переводчик-англичанин; при самоткацком производстве было 160 рабочих; помимо того, при фабрике состояло конторщиков 4, при ручном ткацком производстве конторщиков 5, сновальщиков 5, клеильщиков 4, шпульников 40, ткачей 50, сверх того в указанных выше округах 900 домашних и светёлочных ткачей. Всего на Попова работало 1 420 человек.

Из приведённых данных видно, что фабрика Попова представляла собою крупное предприятие — с паровым двигателем, с большим машинным оборудованием, с значительным числом рабочих и большою выработкой.

На фабрике этой в 1848 г. происходили небольшие волнения среди рабочих, которые стоит отметить как одно из первых проявлений рабочего движения в Шуйском районе в первой половине XIX века.

Относящиеся сюда материалы приводятся ниже.¹

1) Предписание Владимирского гражданского губернатора от 5 ноября 1848 г. за № 10759 к Шуйскому городничему.

«Весьма нужное. До сведения моего дошло, что в недавнем времени на фабрике купца Попова между рабочими людьми произошли значительные беспорядки, для прекращения коих вы были вынуждены принять весьма сильные полицейские меры при содействии даже воинской команды. — Не получая от вас никаких по сему предмету донесений, я вынужденным нахожусь предписать вам немедленно с первою почтою рапортовать мне о всех подробностях сопровождавших сие происшествие и о причине, почему вы не довели о сём своевременно до моего сведения вопреки циркулярного предписания моего 28 ноября 1846 г. и 9 июля прошлого 1847 г.»

2) Рапорт Шуйского городничего коллежского советника Дорогина от 12 ноября 1848 г. за № 634 г-ну Владимирскому гражданскому губернатору и кавалеру.

«На предписание вашего превосходительства от 5 числа сего месяца за № 10759 имею честь донести, что на фабрике купца Попова в октябре месяце несколько человек рабочих людей, желая истребовать от хозяина прибавки задельной платы, вздумали оставить ткацкую работу. По доведении о этом до сведения моего купцом Поповым я в то же самое время отправлялся на фабрику Попова, где по первому внушению им правил фабричной промышленности встретил от рабочих людей и желание и готовность продолжать работы,

¹Материалы эти взяты из дела канцелярии Владимирского гражданского губернатора за 1848 г. № 287 «по предписанию Шуйскому городничему о беспорядках на фабрике купца Попова».

каковые при мне же и начались, но здесь я не только значительных беспорядков, но даже ничего противного нарушению спокойствия не встретил, и потому о предмете этом, как не составляющем ни особого происшествия, ни заключающем в себе важности, не смел доводить до сведения вашего превосходительства. Городничий кавалер Дорогин».

3) Письмо Владимирского гражданского губернатора от 19 ноября 1848 г. к купцу Попову.

«Милостивый государь Фёдор Герасимович! До сведения моего доходит, что на бумаго-прядельной фабрике вашей в г. Шуе между рабочими людьми иногда возникают беспорядки и ропот по причине стеснительных нововведений, которые вы нашли необходимым принять за правило и руководство при взыскании с работников за упущения, делаемые ими по возложенным на них обязанностям, — как, например, вычет из заработанной платы за каждую ничтожную просрочку времени, назначенного для работ на фабрике, и другие подобные сему наказания.

Принимая во внимание, что плата за труд составляет единственное вознаграждение русского крестьянина, на которой он часто основывает исправный платёж повинностей и годовое содержание своего семейства, равно исполнение всех нужд, соответствующих с его крестьянским бытом, а потому я полагаю весьма натурально, что негодование, проявляющееся в нём при вычете каждого заработанного им рубля, вперёд уже им рассчитанного, возбуждает ропот и вовлекает толпу к произведению некоторых беспорядков, — не думаю, чтобы сии вычеты принесли вам какую либо существенную выгоду и чтобы вы, кроме их, не нашли других благодетельных мер к водворению должного исполнения и повиновения между рабочими, — я вынужденным нахожусь просить вас, милостивый государь, устранить из управления вашей фабрики те правила, которые несвойственны в обращении с русскими работниками и которые могут приносить пользу только за границей. Примите уверение в моей преданности, с которой честь имею быть вашим...»

с. 27

Е. Ф. Дюбюк

Географический указатель

Авдотьино село	17	Кочнево село	17
Афанасьево село	17	Москва город	4, 11, 17, 18, 22
Волосово село	19	Ростов город	7
Выремша деревня	19	Санкт-Петербург город	18
Гора деревня	13, 15	Семёновское село	13–16
Иваново город	17–19	Холуй слобода	18
Казань город	18	Шуя город	20, 22
Калязинский уезд	13	Ярославль город	7
Кострома город	5		

Именной указатель

Александров М.	7, 9–12	Морковкин Ф. И.	7, 9–12
Антонов А.	15	Назаров Ф.	7, 9, 12
Аристархов Ф.	7, 9–12	Никифоров А.	7, 9, 10, 12
Аршеневский И. Я.	7	Никифоров В.	7, 9, 11, 12
Баранович	20	Никифоров И. В.	7, 12
Болотин	4	Николаев И.	7, 9–12
Бурышев К. М.	10	Николаев П.	7, 9–12
Васильев З.	7, 9–12	Остафьев П.	12
Васильев Р.	7–12	Павлов	13
Васильев С.	7–12	Пажитнов	3, 4
Вепрейский И. В.	7, 9, 10	Палицын	13
Воронцов М. С.	13–17	Пачиони	12
Гарелин Г.	17	Попов Д. Ф.	17
Гарелин Я. П.	18–20	Попов Ф. Г.	20
Голицын М.	7	Сабуров	13
Горицкий	20	Семёнов Е.	12
Горский	12	Семёнов И.	7, 9, 11, 12
Грязнов А. Ф.	4, 6	Семёнов С.	7, 9–12
Дорогин	22	Семевский	3
Ермилов А.	7, 9–12	Сергеев И.	7, 9–12
Ерофеев Г.	7, 9–12	Силишин	3
Ерофеев С.	7, 9–12	Соймонов	11
Златоустовский	20	Тимофеев Т.	13
Зубов (Дмитриев) Г.	14, 16	Туган-Барановский	3, 6
Иванов Г.	7, 9, 11, 12	Углечанинов П.	5
Иванов И.	13	Фёдоров И.	19
Иванов К.	15	Федосеев Д.	14, 16
Иванов С.	15	Федосеев И.	15
Ильинский Н. В.	6	Федосеев П.	14, 16
Калмыков И. Ф.	7, 9–12	Филиппов Г.	14–16
Калмыков М. М.	7, 9, 10, 12	Филиппов П.	7, 9–12
Калужский Г. Л.	21	фон-Цур-Милен Е. А.	15–17
Критский	11	Чижев	19
Кузьмин Е.	15	Чириков	13
Купреянова	19	Щеколдин Г. В.	21
Луков	11	Яров В.	9
Лукьянов А.	15	Яров Г. В.	10–12
Максимов Е.	19	Яров И. В.	10, 11
Мальцов И. С.	7, 8, 10, 11		

Предметный указатель

аптека.....	17	Роменская ярмарка.....	18
Большой Суконный двор.....	4	Ростовская ярмарка.....	18
губернатор Владимирский.....	7, 9–11	Саратовская ярмарка.....	18
губернатор Костромской.....	5	Сенат.....	4, 8, 11
Ирбитская ярмарка.....	18	Сибирская ярмарка.....	18
Коренная ярмарка.....	18	Темеринский архив.....	7
Котельничская ярмарка.....	18	фабрика	
Кременецкая ярмарка.....	18	Болотина.....	3
лихорадка.....	17	Гарелина.....	18–20
мануфактур-коллегия.....	4	Гусевская хрустальная.....	7, 9, 10
Меленковский суд.....	7–11	Затрапезновых.....	4, 5
Мензелинская ярмарка.....	18	Леденгский соляной завод.....	6
Нижегородская ярмарка.....	18	Осокина.....	3, 4
Парская ярмарка.....	18	Попова.....	20–23
		Углечанинова.....	5, 6
		Харьковская ярмарка.....	18
		холера.....	19, 20

Оглавление

Материалы к истории русской фабрики и рабочего класса в XVIII и XIX ст.	3
1. К вопросу о практическом значении работных регул регламента суконным фабрикам 1741 г.	3
2. Извещение о командировании сенатора Аршеневского для освидетельствования мануфактур (1811 г.)	7
3. Дело о заговоре мастеровых Гусевского завода Мальцова в 1838 году	7
4. Калязинские крепостные мастерки-фабриканты	12
Приложения	15
5. К истории медицинской помощи в Иваново-Вознесенском фабричном районе .	17
6. Волнение среди рабочих фабрики Гарелина в селе Иванове в 1848 г.	17
7. Фабрика Попова в г. Шуе в конце 40-х годов XIX столетия	20
Географический указатель	24
Именной указатель	25
Предметный указатель	26